

a post-industrial way of society's life, where non-material factors are gradually coming to the fore: information, knowledge, communication culture as well as technical and technological means of production and social communication that are closely related to them. The authors give the interpretation of the mental space as a set of object-oriented mental formations, thought processes and their schemes, patterns, paradigms, in which knowledge and faith, knowledge and value orientations, knowledge and clichés of everyday practical experience, emotions, unconscious structures and cultural codes, determining stereotypes of behavior and activity of people, as well as criteria for the acceptability (effectiveness) of a certain way of action are all combined in a specific way. The peculiarities of the processes under analysis in the Republic of Belarus are disclosed.

Keywords: mental space; praxeological component of mental space; post-industrial lifestyle; dominant forms of growth of the praxeological component.

UDC 130.2

*Статья поступила
в редакцию 20. 05. 2020 г.*

Е. В. КУЗНЕЦОВА

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Автор утверждает, что идентичность современного субъекта обусловлена культурно-коммуникативными практиками и информационными технологиями. Он приходит к выводу, что проблема идентификации требует иного прочтения по сравнению с предыдущими историческими этапами, но необходимо синтезировать уже существующие подходы.

Ключевые слова: идентичность субъекта; коммуникация; кризис идентичности.

УДК 304.2

В настоящее время — время социальных потрясений — трансформируются и разрушаются многие представления, принципы, ценности, на которых в течение ряда столетий основывалась идентификация личности. Идентичность личности сегодня переживает кризис, в основе которого лежат происходящие политические, экономические, социокультурные процессы. Одной из причин кризиса идентичности является чрезмерная открытость субъекта по отношению к миру и другим людям. Массовая культура со своим неизменным консюмеризмом пытается подчинить определение идентичности законам рынка, создавая тем самым предпосылки для формирования псевдоидентичности.

Евгения Владимировна КУЗНЕЦОВА (kuznetzova.evgenoya2012@yandex.ru), кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра исследований глобализации, интеграции и социокультурного сотрудничества Института философии НАН Беларуси (г. Минск, Беларусь).

Информационные технологии, массмедиа в своем новейшем техническом варианте также усиливают кризис тождественности. Отсюда разнообразие подходов и интерпретаций концепта идентичности личности в философской мысли.

Цель исследования — анализ различных философских точек зрения по проблеме идентичности в контексте истории развития философской мысли. В работе будем классифицировать различные подходы к проблеме идентичности личности в зависимости от доминирующей позиции автора, выделим некоторые из особенностей идентичности, характерные для современной личности, а также обозначим факторы, обуславливающие эту идентичность, находящуюся по нашему мнению в состоянии кризиса. Основные методы исследования: сравнительно-исторический, типологический.

Сложность категории идентичности отмечали философы еще в эпоху Нового времени. «Без сомнения, в философии нет вопроса более темного, чем вопрос о тождестве и природе того объединяющего принципа, который составляет личность (person)» [1, с. 229]. Шотландский мыслитель Д. Юм был одним из первых, кто озаботился проблемой идентификации личности (отметим сразу, что термин «идентификация» в нашей работе означает процесс, а термин «идентичность» — результат, т. е. различие носит семантический характер). Д. Юм отвергает всякую возможность выяснения этого вопроса через обобщение каких-либо эмпирических наблюдений и предлагает обращаться к «самой глубокой метафизике», т. е. к науке. Юм считает, что только научный подход может обеспечить должное решение проблемы идентичности личности, все же остальное в данном вопросе для него есть «хитросплетение религиозных суеверий» [2, с. 14].

Исследователи на разных исторических отрезках акцентируют всевозможные доминанты в человеческой природе, определяющие тождество. В зависимости от этих ключевых идей мы считаем нужным разделить рассматриваемые в данной статье подходы к анализу концепта идентичности на следующие группы: традиционный философский подход в рамках рационализма Нового времени (Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Д. Юм, И. Гердер), психоаналитический подход (З. Фрейд, Г. Салливан, Э. Эриксон, Э. Фромм), антропологический философский подход XX в. (М. Хейдеггер, А. Глюксман, Г. Маркузе, Ж.-П. Сартр, А. Камю), коммуникативный подход (М. Бахтин, М. Бубер, Ю. Хабермас), трансцендентальный подход (Г. П. Щедровицкий, В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев). Оговоримся, что нас не интересует проблема национальной или гражданской идентичности, мы будем раскрывать в статье только аспект личностной идентификации.

Обратимся прежде всего к самому термину «идентичность». Это слово произошло от латинских *idem* и *ipse*. Согласно первому значению термин *idem* — «идентичный» выступает синонимом «в высшей степени сходного», «аналогичного», «того же самого», «неизменного во времени». Во втором значении *ipse* термин «идентичный» связан с понятием «самости», «себя самого» [3, с. 19—37]. В этом смысле индивид тождествен самому себе. Относительно применения данной терминологии, выделенной П. Рикером, к анализу нашего предмета изучения отметим, что мы будем опираться на второе значение термина.

Известный английский мыслитель Дж. Локк обращается к двум концепциям тождества, представленных нами выше [4, с. 45]. Он считает, что понятие «*ipse*-идентичность» применимо лишь к человеку, обладающему сознанием. Эта форма тождества изначально предполагает способность к самореференции

и самосознанию. С точки зрения Локка наряду с общим сознанием человек обладает особой способностью производить обращенное на самое себя рефлексивное знание, поэтому тождество личности он определяет как рефлексивную самосоотнесенность, которая не только рациональна, но прежде всего реляционна. Человек, физически появившись на свет как рациональное существо, должен создать собственную идентичность и нести за нее личную ответственность. Тождество личности — идентичность — возникает благодаря тому, что индивидуум сознает свою самость в ходе времени. Не случайно Ж.-Ж. Руссо называет социальную идентичность порождением исторической эпохи. Французский просветитель формулирует свое понимание идентичности: чтобы обрести свое тождество, нужно найти себя в другом. Более того, необходимо отказаться от себя, раствориться в другом и тогда возможно найти и понять себя самого [5, с. 92]. И. Гердер излагает похожую мысль. Он пишет, что аутентичная самость — это биологическая коллективная реальность. Очевидно, что индивидуальная идентичность есть нечто отличное от социальных норм и желание признания себя другими членами социальной группы [6, с. 123].

На историческом отрезке второй половины XIX — первой половины XX в. наиболее остро ощущается отчуждение человека от тех социальных институтов, появление которых он инициировал. Он вступает в настоящее противостояние — с другими членами своей социальной группы, с самим собой.

Как следствие этого, происходит формирование и развитие сразу нескольких философских концепций идентичности. Одним из важных подходов к проблеме идентификации личности становится психоанализ, основателем которого является З. Фрейд. В психоанализе З. Фрейда идентификация понимается как бессознательный процесс отождествления субъекта с другими людьми либо с каким-либо литературным, воображаемым, вымышленным образом [7, с. 435]. Идентификация — это отождествление себя с другими — родителями, учителями, авторитетами — откуда проистекают противоречия, когда сталкиваются Я и Я-идеал (совесть) [8, с. 136].

Проблемой идентификации личности занимаются многие последователи Фрейда. Так, Г. С. Салливан разработал межличностный психоанализ, Э. Фромм — гуманистический психоанализ, Э. Эриксон — эпигенетический анализ. Г. С. Салливан ввел такое понятие, как система Самости — структура переживаний, направленная на эффективное сосуществование с другим человеком. Человека, по мнению Салливана, следует рассматривать через межличностные отношения и как продукт взаимодействия с окружающей средой. «Личность — это относительно устойчивый паттерн периодически возникающих интерперсональных ситуаций, которые характеризуют человеческую жизнь» [9, с. 184], т. е. любой субъект раскрывается в полной мере через межличностные отношения и межличностные ситуации.

Истоки идентичности Э. Эриксон видит в динамично развивающемся телесном Я и присутствии родительского образа [10, с. 394]. Эриксон считает, что на идентичностях негативно отражаются следующие факторы современной цивилизации: промышленная революция, глобальные коммуникационные сети, процессы стандартизации, централизация и технологизация «человеческого образа жизни». Главная опасность при этом заключается в конструировании так называемой псевдоидентичности. Именно псевдоидентичность характерна для тоталитарных государств. Подлинная идентичность, по мнению Эриксона, возможна только при условии сохранения целостности личности и при условии реализации этой целостности в реальности. Эриксон вводит также такое понятие, как «спутанность идентичности» (*confusion*) — ощущение

отсутствия или потери своих корней [10, с. 410]. Учитывая фактор миграции в современном мире, данное понятие может представлять сейчас особый интерес и актуальность.

Проблемой идентичности личности в контексте гуманистического психоанализа занимается Э. Фромм. По его мнению, человек призван строить свою жизнь, а не приспосабливаться к готовым условиям. Однако он продолжает оставаться частью природы, но обособившейся частью. Разлад между разумом и телом (природным началом) ведет к возникновению экзистенциальных дихотомий. Фромм выделяет различные дихотомии, например дихотомию между жизнью и смертью. Дихотомии человеческого существования порождают экзистенциальные потребности. В числе таких потребностей Фромм называет и потребность в самоидентичности (тождественности). Он утверждает, что в современную эпоху возникает кризис самоидентичности, базирующийся на увеличивающемся овеществлении человека и его отчуждении [11, с. 123]. Фромм считает, что развивается новая стадная идентичность, в которой чувство тождественности основывается на чувстве принадлежности к толпе, чтобы не отличаться от других.

События XX в. (научно-технический прогресс, уничтожение человеческого ресурса в мировых конфликтах, войнах, революциях, создание тоталитарных режимов) меняют взгляды философов на проблему идентичности, поскольку человек сталкивается с целым рядом новых трудностей. В постклассической философии XX ст. трактовка идентичности практически полностью связывается с проблемой индивидуализации личности. Однако это отнюдь не означает разрыв в рассуждениях философов XVII—XX вв.

«Где я и что я? Каким причинам я обязан своим существованием и какому состоянию я возвращусь? Чьей милости должен я добиваться и чьего гнева страшиться? Какие существа окружают меня и на кого я оказываю хоть какое-нибудь влияние или кто хоть как-нибудь влияет на меня?» [2, с. 384—385]. Эти вопросы, поставленные Д. Юмом, перекликаются в XX в. с беспокойством, высказываемым С. Кьеркегором.

«Где я? Кто я? Как я пришел сюда? Что это за вещь, которую называют миром? Что это слово значит? Кто тот, кто заманил меня в бытие и теперь покидает меня? Как я оказался в этом мире? Почему со мной не посоветовались, почему не познакомили с его обычаями, а просто сунули в один ряд с другими, как будто я был куплен у некоего “продавца душ”?» [12, с. 28]. Данные вопросы звучат особенно остро и в наши дни, обусловленные зачастую одиночеством и потерянностью человека в современном мире.

Общество, сложившееся на основе технического прогресса, Г. Маркузе характеризует как «одномерное», утратившее «второе измерение». Отсюда термин «одномерный человек» — потребитель, стремящийся к удовлетворению лишь своих потребительских желаний [13, с. 148]. Андре Глюксманн считает, что суть взаимоотношений в обществе индустриальной эпохи — подчинение [14, с. 85]. Репрессивность, агрессивность, консюмеризм — все это характерные мотивы для самоопределения человека на определенном историческом отрезке времени. Именно данные мотивы можно назвать ведущими в определении человека и его места в социуме для философов-экзистенциалистов.

Достичь свободы можно при помощи бунта, как считают некоторые представители экзистенциализма. Бунт они называют актом протеста современного человека против мира обреченности, отчуждения и равнодушия. По мнению А. Камю, бунт предваряет любую цивилизацию и является ее неотъемлемым элементом [15]. В бунте он видит утверждение права человека на свою жизнь,

а значит, и на самоопределение. М. Хайдеггер понимает человека как существо, приносящее свою жизнь в жертву своему предназначению. «Готовность к самопожертвованию» является исходным пунктом определения личности. Согласно его экзистенциализму человек готов на самоотречение не потому, что существует некий идеал, достойный самопожертвования, просто человек не может жить, не посвящая чему-либо свою жизнь [16, с. 197].

Для формирования идентичности человека, живущего уже в XXI в., особую важность приобретают социальная среда, наличие агентов социального действия, коммуникантов, возможность самого субъекта участвовать в процессе коммуникации. Современный человек — прежде всего человек коммуницирующий, понимающий, создающий новое и стремящийся передать это новое другим субъектам. Самоидентификация — это результат коммуникативного взаимодействия. Идеи М. Бахтина, М. Бубера, Ю. Хабермаса раскрывают коммуникативный подход к определению идентичности.

Жить, по мнению М. Бахтина, значит участвовать в диалоге, спрашивать и отвечать. Только во взаимодействии со средой, в общении с другими людьми индивид становится личностью. Самодетерминация индивида в диалоге возможна в следующих контекстах:

- в диалоге как всеобщей основе человеческого взаимопонимания;
- диалоге как основе речевых жанров — «Где начинается сознание, там начинается и диалог» [17, с. 256];
- нетождественности диалога и общения, но включении диалога в общение — «Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, вещи, с ними можно только диалогически общаться» [17, с. 320], т. е. понятие «общение», по мнению М. Бахтина, шире понятия «диалог».

Диалог у М. Бубера означает, что мы можем обращаться к чему бы то ни было и к кому бы то ни было как к Ты, как обращаются к личности, к собеседнику, другу, к единственному в мире и неповторимому [18, с. 139]. Я и Ты при этом вступают в онтологический диалог, и мир предстает совершенно отличным от прежнего мира. Объект фактически перестает быть таковым и становится тоже субъектом — равноправным партнером и собеседником в диалоге. Идентификация личности происходит только в диалоге, но не просто через общение с другим, а когда этот «другой» становится тобой, т. е. происходит некая рефлексия.

В концепции Ю. Хабермаса человек реализуется как личность также только в социальном окружении [19, с. 110]. Идентичность конструируется на основе двух состояний: консенсуса и конфронтации. И если консенсус — это то, в чем субъект схож с другими, то конфронтация демонстрирует его непохожесть на других. Идентичность личности всегда балансирует между «фантомом нормальности» («быть таким, как все») и «фантомом уникальности» («быть не таким, как все»).

Мы подошли к тому, что собеседник — это своеобразное «зеркало» для каждого из нас, поэтому коммуникативный подход переходит, на наш взгляд, в трансцендентальный подход.

В концепции Г. П. Щедровицкого основным условием для самоопределения личности выступает рефлексия, осуществляемая через коммуникацию [20, с. 38]. Некоторые ученые, в частности В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев, отмечают, что рефлексия направлена на самоопределение и обусловлена многообразными реально-практическими ситуациями социального бытия человека, требующими от него развитого умения грамотно взаимодействовать с другими коммуникантами. Они соотносят проблему рефлексии с проблемой определе-

ния способа жизни и выделяют два вида рефлексии: внешнюю и внутреннюю [21, с. 95]. Внешняя рефлексия формирует феноменальный слой сознания, внутренняя — выводит человека за его пределы. С ней связано ценностное осмысление жизни. Внутренняя рефлексия выступает в качестве механизма трансцендентальной идентификации, когда человек выходит на уровень формирования целостного универсального мировоззрения. Только становясь частью универсума, или мировой культуры, индивид в полной мере становится личностью, как считает Г. П. Щедровицкий [20, с. 47].

В течение нескольких столетий идентичность человека, как мы видим, понимается в философии как результат социализации и ответственности в первую очередь. Но социализированность личности сегодня может означать предельный и бездумный конформизм, как считает П. Гуревич [22, с. 69]. Он полагает, что далеко не всегда человек, «активно вписавшийся в общество», может быть духовной личностью. Субъект обращается к своему окружению, а вместо подлинных людей обнаруживает лишь исполняемые ими различные социальные роли. Таким образом, активность современного субъекта как агента социального действия выступает фактором, значительно осложняющим и запутывающим его идентичность.

Следующим фактором, осложняющим процесс современной идентификации личности, является массовая культура. Ее характерные черты, такие как преобладание потребительского отношения к информативно-культурным ценностям, приобретаемым в развлекательных целях как предметы купли-продажи, многократное репродуцирование этих предметов и их стереотипизация с помощью технических средств, желание удовлетворить потребности всех, формируют консьюмеризм. Очень опасно, когда рыночный закон спроса и предложения начинает вмешиваться в процесс идентификации личности. Отсюда ложная идентичность, когда человек отождествляет себя со своими потребностями. Еще одна черта массовой культуры, усложняющая идентификацию и разрушающая ее подлинную сущность, — так называемая деконструкция бинаризов (И. Гофман) [23, с. 45]. Это желание походить на идола, т. е. копировать чьи-то образцы, а не искать и не формировать свою подлинную сущность.

Развитие средств массовой информации, появление новых технических средств привели к появлению такого понятия, как виртуальная реальность. Существование виртуальной реальности коренным образом трансформирует идентичность личности. Если принять во внимание возможное существование человека и в виртуальном пространстве, то, с одной стороны, виртуальность дает субъекту почувствовать себя тем, кем он хочет быть (Ж. Бодрийяр называет это «оргией различий») [24, с. 130], а с другой — идентичность субъекта еще более запутывается. Свобода выбора в виртуальном пространстве зачастую оказывается лишь мифом, иллюзией, соответственно и идентичность, сформированная в этом пространстве, — это также лишь иллюзия.

В связи с тем, что современная эпоха — время утраты целостности, следовательно, и идентичность сегодня — явление меняющееся, размытое, зачастую фрагментарное, находящееся в кризисе. «Проблема идентичности... подразумевает персональную идентичность, необходимую для подавления тревоги и фрустрации» [25, с. 21]. В наше время индивид находится в постоянном поиске себя, но теперь индивид ищет не только свою нацию, расу, но и гендер. Та социальная общность, к которой он принадлежит при рождении, отнюдь не означает его постоянной принадлежности или идентичности. Постоянные поиски себя приводят зачастую к тому, что человек теряет себя в этом множестве

идентичностей, причем как на «реальном», так и на «виртуальном» уровнях. В этой связи П. Гуревич говорит уже о «нулевой» идентичности [22, с. 78], Р. Музиль вводит понятие «человек без свойств» — индивид с неразвитым сознанием и психикой [26].

Как мы видим, понятие идентичности со сменой исторических эпох и трансформацией ряда духовных ценностей, нравственных идеалов и ориентиров каждый раз подвергается переосмыслению. Разрозненность современных трактовок и интерпретаций концепта идентичности детерминирована вызовами современной цивилизации. Отсюда появление концептов «псевдоидентичности», «спутанной идентичности», «нулевой идентичности». Очевидно, что мир уже больше никогда не будет прежним после последних событий, связанных с пандемией Covid-19. Процессы глобализации и интеграции мира, не завершившись, оказываются под угрозой, процессы дифференциации обостряются вновь, усиливаются конфликты на межрасовой, межрелигиозной, межэтнической почве. При этом продолжается рост новейших информационных технологий, увеличивается степень привлекательности виртуальной реальности для человека. Все это еще более запутывает идентичность личности и не создает никаких благоприятных условий для выхода из создавшегося кризиса.

При анализе идентичности «Я» сегодня следует учитывать, что это явление многомерное, комплексное, включающее в себя различные аспекты: эпистемологический, этический, культурологический, лингвистический, религиозно-нравственный. И каждый из этих аспектов или «измерений» требует отдельного рассмотрения. Именно из них и складывается, конструируется идентичность современного субъекта. Конструирование не может быть произвольным, важно, чтобы культурные паттерны не потеряли своей смысловой нагрузки, в противном случае нам придется иметь дело с «человеком без свойств», поэтому проблема идентичности приобретает свою актуальность как никогда прежде, но в контексте происходящего требует нового прочтения на основе синтеза уже существующих подходов.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. Юм, Д. Трактат о человеческой природе / Д. Юм. — М. : Наука, 1996. — 467 с.
Yum, D. Traktat o chelovecheskoy prirode [Treatise on human nature] / D. Yum. — M. : Nauka, 1996. — 467 p.
2. Юм, Д. Исследование о человеческом познании / Д. Юм. — М. : Наука, 1997. — 485 с.
Yum, D. Issledovanie o chelovecheskom poznanii [The investigation of human cognition] / D. Yum. — M. : Nauka, 1997. — 485 p.
3. Рикер, П. Повествовательная идентичность / П. Рикер // Герменевтика, этика, политика. Московские лекции и интервью. — М. : Наука, 1995. — 334 с.
Riker, P. Povestvovatel'naya identichnost' [Narrative identity] / P. Riker // Germenevtika, etika, politika. Moskovskie lektzii i interv'yu. — M. : Nauka, 1995. — 334 p.
4. Рикер, П. Я-сам как другой / П. Рикер. — М. : Алетея, 2008. — 356 с.
Riker, P. Ya-sam kak drugoy [I'm like the other one] / P. Riker. — M. : Aleteya, 2008. — 356 p.
5. Руссо, Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми / Ж.-Ж. Руссо. — М. : Академпроект, 2008. — 534 с.
Russo, Zh.-Zh. Rassuzhdenie o proiskhozhdenii i osnovaniyakh neravenstva mezhdudlyud'mi [Discussion about the origin and grounds of inequality between people] / Zh.-Zh. Russo. — M. : Akadempromekt, 2008. — 534 p.

6. *Гердер, И.* Идеи к философии истории человечества / И. Гердер. — М. : Рос. полит. энцикл., 2013. — 768 с.
- Gerder, I.* Idei k filosofii istorii chelovechestva [Ideas of the philosophy of human history] / I. Gerder. — М. : Ros. polit. entsikl., 2013. — 768 p.
7. *Фрейд, З.* Толкование сновидений / З. Фрейд. — Киев : Здоровье, 1991. — 351 с.
- Freyd, Z.* Tolkovanie snovideniy [Interpretation of dreams] / Z. Freyd. — Kiev : Zdorov'e, 1991. — 351 p.
8. *Фрейд, З.* Психология бессознательного / З. Фрейд. — М. : Просвещение, 1989. — 236 с.
- Freyd, Z.* Psikhologiya bessoznatel'nogo [The Psychology of the Unconscious] / Z. Freyd. — М. : Prosveshchenie, 1989. — 236 p.
9. *Салливан, Г. С.* Интерперсональная теория: теории в психиатрии / Г. С. Салливан. — М. ; СПб., 1999. — 584 с.
- Sullivan, G. S.* Interpersonal'naya teoriya: teorii v psikhiatrii [Interpersonal theory: theories in psychiatry] / G. S. Sullivan. — М. ; SPb., 1999. — 584 p.
10. *Эриксон, Э. Г.* Детство и общество / Э. Г. Эриксон. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — СПб. : Ленато : АСТ : Университет. кн., 1996. — 394 с.
- Erikson, E. G.* Detstvo i obshchestvo [Childhood and society] / E. G. Erikson. — Izd. 2-e, pererab. i dop. — SPb. : Lenato : AST : Universitet. kn., 1996. — 394 p.
11. *Фромм, Э.* Психоанализ и этика / Э. Фромм. — М. : Наука, 1993. — 283 с.
- Fromm, E.* Psikhoanaliz i etika [Psychoanalysis and ethics] / E. Fromm. — М. : Nauka, 1993. — 283 p.
12. *Кьеркегор, С.* Страх и трепет / С. Кьеркегор. — М. : Академ. проект, 2017. — 154 с.
- K'erkegor, S.* Strakh i trepet [Fear and awe] / S. K'erkegor. — М. : Akadem. proekt, 2017. — 154 p.
13. *Маркузе, Г.* Одномерный человек / Г. Маркузе. — Минск : Харвест, 2003. — 230 с.
- Markuze, G.* Odnomernyy chelovek [One-dimensional man] / G. Markuze. — Minsk : Kharvest, 2003. — 230 p.
14. *Глюксманн, А.* Философия ненависти / А. Глюксманн. — М. : АСТ : Транзиткнига, 2006. — 410 с.
- Glyuksmann, A.* Filosofiya nenavisti [The philosophy of hate] / A. Glyuksmann. — М. : AST : Tranzitkniga, 2006. — 410 p.
15. *Камю, А.* Миф о Сизифе [Электронный ресурс] / А. Камю. — Режим доступа: <https://www.litlib.net/bk/25375/read>. — Дата доступа: 25.07.2020.
- Kamyu, A.* Mif o Sizife [The Myth of Sisyphus] [Elektronnyy resurs] / A. Kamyu. — Rezhim dostupa: <https://www.litlib.net/bk/25375/read>. — Data dostupa: 25.07.2020.
16. *Хайдеггер, М.* Бытие и время / М. Хайдеггер. — М. : Академ. проект, 2015. — 540 с.
- Khaydegger, M.* Bytie i vremya [Existence and time] / M. Khaydegger. — М. : Akadem. proekt, 2015. — 540 p.
17. *Бахтин, М. М.* Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. — М. : Рус. яз., 1986. — 478 с.
- Bakhtin, M. M.* Literaturno-kriticheskie stat'i [Literary-critical articles] / M. M. Bakhtin. — М. : Rus. yaz., 1986. — 478 p.
18. *Buber, M.* Two types of faith / M. Buber. — Syracuse ; N.Y. : Syracuse University Press, 2003. — 356 p.
19. *Хабермас, Ю.* Вовлечение другого: Очерки политической теории / Ю. Хабермас. — СПб. : Наука, 2001. — 417 с.
- Khabermas, Yu.* Vovlechenie drugogo: Oчерki politicheskoy teorii [Involving of another: Essays of political theory] / Yu. Khabermas. — SPb. : Nauka, 2001. — 417 p.
20. *Щедровицкий, Г. П.* На досках. Публичные лекции по философии / Г. П. Щедровицкий. — М., 2004. — 148 с.
- Shchedrovitskiy, G. P.* Na doskakh. Publichnye lektsii po filosofii [On the boards. Public lectures on philosophy] / G. P. Shchedrovitskiy. — М., 2004. — 148 p.

21. *Слободчиков, В. И.* Основы психологической антропологии / В. М. Слободчиков, Е. И. Исаев. — М. : Школа — Пресс, 1995. — 205 с.
- Slobodchikov, V. I.* Osnovy psikhologicheskoy antropologii [The basics of psychological anthropology] / V. M. Slobodchikov, E. I. Isaev. — M. : Shkola — Press, 1995. — 205 p.
22. *Гуревич, П. С.* Проблема идентичности человека в философской антропологии / П. С. Гуревич // Человек в поисках идентичности. Вопросы социальной теории. Научный альманах. — 2010. — Т. IV. — М. : Междисциплинар. о-во социал. теории, 2010. — С. 63–87.
- Gurevich, P. S.* Problema identichnosti cheloveka v filosofskoy antropologii [The problem of human identity in philosophical anthropology] / P. S. Gurevich // Chelovek v poiskakh identichnosti. Voprosy sotsial. teorii. Nauchnyy al'manakh. — 2010. — Т. IV. — М. : Mezhdistsiplinar. o-vo sotsial'. teorii, 2010. — Р. 63–87.
23. *Гофман, И.* Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. — М. : Канон-Пресс-Ц : Кучково Поле, 2000. — 523 с.
- Gofman, I.* Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni [Representing yourself to others in everyday life] / I. Gofman. — M. : Kanon-Press-Ts : Kuchkovo Pole, 2000. — 523 p.
24. *Бодрийяр, Ж.* Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. — М. : Добросвет, 2006. — 258 с.
- Bodriyyar, Zh.* Prozrachnost' zla [Transparency of Evil] / Zh. Bodriyyar. — M. : Dobrosvet, 2006. — 258 p.
25. *Бородуля, А. А.* Социально-философские основания феномена гендерной идентичности / А. А. Бородуля. — Минск : РИВШ, 2010. — 124 с.
- Borodulya, A. A.* Sotsial'no-filosofskie osnovaniya fenomena gendernoy identichnosti [The socio-philosophical foundations of the phenomenon of gender identity] / A. A. Borodulya. — Minsk : RIVSh, 2010. — 124 p.
26. *Музиль, Р.* Человек без свойств / Р. Музиль. — М. : Азбука, 2015. — 1088 с.
- Muzil', R.* Chelovek bez svoystv [A man without features] / R. Muzil'. — M. : Azbuka, 2015. — 1088 p.

EVGENIYA KUZNETSOVA

**THE PROBLEM OF SUBJECT'S IDENTITY
IN PHILOSOPHICAL THOUGHT**

Author affiliation. *Evgeniya KUZNETSOVA* (kuznetzova.evgenoya2012@yandex.ru), (Minsk, Belarus).

Abstract. The author argues that the identity of the contemporary subject is conditioned by cultural and communicative practices and information technologies. The conclusion is drawn that the problem of identification requires a different interpretation nowadays in comparison with previous historical stages, but it is necessary to synthesize existing approaches.

Keywords: identity of the subject; communication; reflection; crisis of identity.

UDC 304.2

---

*Статья поступила
в редакцию 05. 08. 2020 г.*